

Бай Нин, жалкий и покорный, невольно стал заложником системы истязания негодяев. Он перемещался по мирам, пытаясь отомстить своим обидчикам, но из-за того, что слишком глубоко погружался в роль, раз за разом проваливал миссии и в конечном итоге погибал от рук тех самых негодяев. Добрые люди живут недолго, а злодеи — тысячелетиями, поэтому Бай Нин переродился. Теперь он — очерстевший, сломленный и жаждущий возмездия человек, поклявшийся извести всех негодяев этого мира!

1. Тот самый обольстительный глава демонического культа

На окраине города Лубэй стоял чайный навес — обычное место для отдыха путников перед входом в город.

Сегодня туда заглянул странный мужчина. Едва переступив порог, он произнес:

— Чаю.

Голос его звучал низко и очень приятно.

Когда хозяин навеса подавал чай, он украдкой взглянул на гостя, но их глаза встретились. От одного лишь этого взгляда хозяина пробила дрожь, а на лице проступил подозрительный румянец. Он поспешно поставил чайник и, не проронив ни слова, бросился прочь, выглядя при этом крайне жалко.

— Хозяин, нельзя ли быть чуточку скромнее? Ты же всех подряд очаровываешь! — в голове у мужчины раздался мягкий детский голосок.

Мужчина потянулся к чашке, собираясь сделать глоток, но, услышав голос, замер. Он приподнял бровь и постучал пальцами по столу.

— Я никого не очаровывал, — спокойно ответил он.

Закончив фразу, он вновь взглянул на хозяина навеса, и тот, поймав его взгляд, снова задрожал.

— Мне кажется, его не очаровало, а напугало!

Чушь! Голос в голове хотел было возразить, но тут же переключился на другую, куда более тревожную тему:

— Ты всё ещё не можешь это контролировать?

Мужчина безразлично отозвался:

— Сойдет.

Сойдет? Да ни черта подобного! От него исходило столько злобы, что она давила на окружающих, а он ещё имеет наглость говорить, что всё нормально? Откуда в нём столько ненависти? Неужели кто-то вырезал всю его семью? Но ведь при выборе носителя в досье было

сказано, что он сирота, а приемные родители относились к нему хорошо и были живы-здоровы.

Ладно, раз носитель не хочет говорить, ничего не попишешь. Хорошо хоть, теперь он может хоть немного сдерживать свою ярость, чтобы она не влияла на других.

Будучи системой, он должен был сохранять холодность и, конечно, не собирался признаваться, что мысленно ворчит на подопечного. Вслух он произнес сухо:

— От тебя исходит сильная злоба. Ты правда не хочешь рассказать, почему? Что с тобой произошло?

Детский голосок системы звучал мягко, хотя сама система была твердо убеждена, что говорит тоном холодного идеала.

— Что произошло? — мужчина повторил этот вопрос, и в его голосе проскользнул холод. Странно, но уголки его губ медленно поползли вверх. Он улыбнулся, но улыбка эта была пугающей, пропитанной злой магией.

Система притихла. Иногда его подопечный становился до того нервным, что это выбивало из колеи.

Мужчина больше не произнес ни слова, медленно попивая чай. Улыбка на его губах становилась всё шире, а зловещая аура вокруг — всё гуще.

Что произошло?

Ему хотелось ответить: он умирал много раз, и каждый раз — лютой смертью.

Но в этот раз он переродился.

Ха!

Мужчина тихо рассмеялся, допил чай и налил себе ещё.

Пока он общался с голосом в голове, хозяин навеса не сводил с него глаз. Он отчетливо чувствовал, что этот человек опасен, но не мог заставить себя отвернуться. Каждый взгляд мужчины был пропитан порочностью, каждая улыбка казалась двусмысленной.

Хозяин вынес вердикт: этот человек явно не из добрых, настоящий демон.

И всё же, несмотря на этот вывод, он не мог отвести глаз. Мужчина излучал опасность, но в то же время в нём было нечто противоречивое — спокойствие. Словно умиротворение, выкованное в мучительных страданиях в самом аду: чем сильнее боль, тем глубже покой. Это спокойствие было скрыто под маской странной ауры, его можно было заметить лишь при внимательном взгляде, но стоило увидеть — и уже невозможно было смотреть на что-то другое.

Когда он опускал веки, длинные ресницы скрывали взгляд, и это умиротворение окутывало его, словно рядом с ним всё вокруг затихало.

— Идут, — раздался в голове мягкий голос.

В ту же секунду мужчина распахнул глаза. Его взгляд, устремленный вперед, был острым, но притягательным.

— Хозяин, цель приближается.

— Через сколько они будут здесь?

— Около двадцати минут, — ответил голос.

Мужчина снова усмехнулся. Время идеально — его план вот-вот осуществится.

Но с каким лицом встретить его в этот раз?

Размышляя об этом, он продолжал неспешно попивать чай. А-Ци, видя его реакцию, не удержался:

— Хозяин, как ты собираешься соблазнить цель?

Мужчина склонил голову, раздумывая. Как? Он продумал план ещё тогда, когда решил принять задание. В прошлой жизни цель этого мира привела его к поражению в первой же битве, что потянуло за собой цепочку неудач и всё более мучительные смерти. Поэтому теперь план должен быть безупречным. Даже ценой огромных жертв он выполнит это задание и покорит этого человека.

Как же его покорить?

Мужчина постукивал пальцами по столу, когда внезапно появилась группа людей. С дикими криками они бросились на него, размахивая клинками:

— Демон, прими смерть!

Они окружили его плотным кольцом, не давая ни единого шанса на побег. Их клинки блестели, готовые в любой момент оборвать его жизнь.

Началось. Время выбрано идеально!

Он собрал внутреннюю энергию в ладонях и метнул чайную чашку в одного из нападавших. Скорость была настолько высокой, что никто не успел среагировать. Чашка врезалась прямо в лицо противнику, брызнула кровь, и остальные в ярости бросились на него.

— Ах! Убью тебя!

Толпа навалилась всей массой, зазвенели мечи, замелькали клинки. Несмотря на то что его окружили, мужчина не запаниковал. Он нанес удар ладонью, и ближайшие нападавшие отлетели на несколько метров. Они рухнули на землю, сплевывая кровь, глаза их были широко раскрыты, и, несмотря на жалкий вид, в них горел восторг.

— Техника ладони Перенос гор и засыпание морей! Это действительно она!

Толпа обезумела от жажды боя. Его контратаки становились всё слабее под натиском стольких врагов, но в конечном итоге он победил.

Он тяжело дышал, собираясь перевести дух, как вдруг почувствовал резкую боль в спине. Обернувшись, он увидел хозяина чайного навеса.

В душе он усмехнулся: наконец-то ты показал свое истинное лицо!

Одним ударом он разможил голову предателю. Хозяин навеса рухнул на землю с широко открытыми глазами, полными невысказанного разочарования.

Получив удар в спину, он и сам начал сдавать. Нужно немедленно уходить, иначе набегут новые преследователи.

Смешно подумать: его связали с системой, чтобы он путешествовал по мирам и выполнял задания, наказывая негодяев, но, как назло, именно негодяи всегда мучили его.

Мир, в котором он сейчас находился, был миром боевых искусств. Здесь правили Восемь сект Праведного пути, а где есть праведники — там всегда есть Демонический культ. А он — глава этого самого культа, Бай Нин.

Те, кто напал на него, были как раз из числа Восьми сект. Их с Бай Нином давние счёты не распутать и за целую жизнь.

Прижимая руку к ране, он поспешно покинул навес и свернул на узкую тропку. Кровь из раны на поясице текла не переставая, его серо-белые одежды давно пропитались алым, потеряв свой прежний цвет. Лицо его было бледным, походка шаткой, он едва держался на ногах.

Он стиснул зубы, заставляя себя не терять сознание.

— Хозяин, ты в порядке? — система забеспокоилась. Неужели он seriously ранен? Но датчики показывают, что функции организма в норме, не так уж всё и критично.

Бай Нин нахмурился:

— Что с моим телом?

Система ответила честно:

— Проверка показала, что серьезных повреждений нет, раны затянутся через семь-десять дней.

Нет, этого недостаточно!

Он хотел усугубить раны, но не мог дотянуться до спины, поэтому сказал системе:

— А-Ци, усугубь мои повреждения так, чтобы я исцелялся около полумесяца.

А-Ци был именем системы, которое дал ей сам Бай Нин.

— Зачем? — спросил А-Ци.

Бай Нин нахмурился:

— У меня свои причины. Выполняй.

А-Ци, будучи умной системой, понял его замысел:

— Хорошо.

Он применил возможности системы, и раны Бай Нина стали глубже.

— М-м... — от резкой боли Бай Нин застонал и схватился за больное место. Кровь хлынула сильнее, лицо стало мертвенно-бледным, в глазах поплыло.

Он слегка приподнял уголки губ. Чем сильнее была боль, тем яснее становился разум. И правда, страдание помогало ему мыслить четче, чем обычно!

Что же делать дальше?

Бай Нин стер с лица жуткую улыбку, его выражение стало искаженным от боли. Он зашагал вперед, но походка была такой неровной, что он мог рухнуть в любую секунду.

Рана продолжала кровоточить. Если не остановить кровь, он может умереть от её потери.

Он подумал: а что, если умереть прямо сейчас? Может, так будет даже лучше?

Пока Бай Нин размышлял, в поле его зрения появился человек. Увидев его, Бай Нин горько усмехнулся: ну вот, теперь даже умереть не дадут.

— Бух!

Он рухнул на землю прямо перед пришедшим, словно у него окончательно иссякли силы. Он поднял голову, пытаясь что-то сказать, но сил не хватило. Его предсмертный вид ошеломил незнакомца. Пока тот приходил в себя, Бай Нин закрыл глаза, имитируя потерю сознания.

На самом деле он был в сознании и прошептал системе:

— А-Ци, помоги мне заблокировать пять чувств. Лучше на сутки.

— Зачем? — спросил А-Ци.

— Этот человек очень умен. Если не отключить чувства, его будет трудно обмануть.

— А если он окажется злодеем? — снова спросил А-Ци.

Голос Бай Нина стал холодным:

— Нет, он хороший человек. Даже очень хороший.

Но даже этот хороший человек не отменяет того факта, что он — негодяй, из-за которого Бай Нин провалил задание и страдал.

Так даже лучше! Так ему будет легче не проявлять жалости.

Уже теряя сознание, Бай Нин едва заметно пошевелил губами, словно что-то произнося. Никто, кроме него, не знал, что он сказал.

Снова встретились, Сюй Чэнь!

2. Тот самый обольстительный глава демонического культа

Когда Бай Нин очнулся, было около шести-семи часов вечера. Он попытался приподняться на кровати, но тут же почувствовал резкую боль в пояснице. В этот момент дверь в комнату постоянного двора открылась, и вошел человек с бритой головой. В руках он держал миску, в которой, судя по всему, было лекарство. Увидев, что Бай Нин пытается встать, он тут же сказал:

— Почтенный, у вас раны, сейчас нельзя двигаться!

Бай Нин знал свое состояние, поэтому послушно лег обратно и принялся рассматривать вошедшего.

— Где я?

— Почтенный, вы на постоялом дворе.

Бай Нин кивнул:

— Кто ты?

— Сяо-сэн Сюй Чэнь, совершенствуюсь в храме Баолай, — ответил Сюй Чэнь, внимательно изучая Бай Нина.

Какой же он красивый! — подумал он. Когда Бай Нин упал без чувств перед ним, он заметил, что тот хорош собой, но сейчас, в сознании, он казался ещё прекраснее. Вероятно, потому, что теперь в его облике появилась какая-то странная аура.

Сюй Чэнь наблюдал за ним, пока Бай Нин тихо повторял:

— Храм Баолай...

Про себя Бай Нин усмехнулся: храм Баолай, один из столпов Восьми сект Праведного пути, его заклятый враг.

Его лицо было бледным, губы лишены красок, но он всё же растянул их в улыбке:

— Маленький монах, это ты меня спас? Сколько же я проспал?

Сюй Чэнь слегка улыбнулся:

— Да, я. Вы проспали три дня и три ночи. Я уж боялся, что вы не очнетесь, но сегодня вы наконец открыли глаза. Амитабу.

Этот монах, Сюй Чэнь, и был его целью. У него были тонкие, изящные черты лица, но губы — ярко-красные, что придавало его облику живость, которую серая монашеская ряса лишь слегка приглушала, не позволяя ему выглядеть слишком вызывающе. Его взгляд был мягким, полным сострадания; нетрудно было догадаться, что многие при первой же встрече проникались к

нему симпатией.

Но Бай Нин, глава демонического культа, не испытывал к нему ничего подобного:

— Зачем ты меня спас? Какая у тебя цель?

Сюй Чэнь сохранял спокойствие и, ничуть не обиравшись на грубость, ответил:

— Раз уж вы спрашиваете, отвечу честно. Мой учитель часто говорил, что спасти одну жизнь — всё равно что воздвигнуть семиэтажную пагоду, поэтому я обязан был вам помочь.

Бай Нин, похоже, не ожидал такого ответа и внезапно рассмеялся:

— Ха-ха-ха! А ты забавный, маленький монах!

Сюй Чэнь молча наблюдал за ним, а когда смех стих, протянул ему миску. Бай Нин взглянул на черную жидкость — сразу было ясно, что это лекарство. Приняв миску, он холодно бросил:

— Раз ты спас меня, говори, как мне тебя отблагодарить?

Сюй Чэнь замер, затем покачал головой:

— Для меня спасение почтенного — часть пути самосовершенствования, благодарность не нужна.

Улыбка Бай Нина стала шире:

— Вот как?

Он испытующе смотрел на Сюй Чэня, но тот оставался невозмутимым, сохраняя кроткий взгляд и мягкую улыбку. Однако, когда его взгляд задержался на лице Бай Нина, он на секунду замер. Он понял, что это за странная аура — это было зло. Особенно когда Бай Нин улыбался: эта улыбка была полна порочности, зловещей, но в то же время невероятно притягательной.

Не демон ли он из гор? — мелькнула мысль у Сюй Чэня.

Бай Нин не знал, о чем думает монах, и продолжал:

— Я не люблю оставаться в долгу. Я отблагодарю тебя по-своему.

Сюй Чэнь не хотел продолжать этот разговор и безразлично ответил:

— Как пожелаете.

Уголки рта Бай Нина поползли вверх. Он невольно подумал: моя благодарность — это отдать себя тебе, интересно, понравится ли тебе такой подарок?

В последующие дни Бай Нин восстанавливался в постоялом дворе, заодно изучая Сюй Чэня. Хотя в прошлой жизни он уже пытался его покорить и знал его достаточно хорошо, всё же

стоило проявить бдительность. Узнав, что за Бай Нином некому ухаживать, Сюй Чэнь решил остаться — раз уж взялся спасать, нужно довести дело до конца.

Пользуясь отсутствием Сюй Чэня, Бай Нин связался с А-Ци. А-Ци, будучи ответственной и полной энтузиазма системой, подготовил больше десятка планов соблазнения.

План первый: подсыпать Сюй Чэню афродизиак, переспать с ним, а потом заставить его нести ответственность.

— С моим нынешним телом я не выдержу и одного раунда, а потом ты можешь искать себе следующего неудачливого носителя!

План первый отклонен.

План второй: использовать навык Обольщение красотой, соблазнить Сюй Чэня, а потом...

— А чем этот план отличается от первого? А-Ци, ты что, хочешь, чтобы я поскорее сдох?

А-Ци: «...» Мне нечего ответить.

План второй отклонен.

А-Ци: «Хозяин, я правда хочу помочь».

Бай Нин: «Я знаю. Но ты понимаешь, что ты — бестолковый напарник?»

А-Ци: «(Автоответ) Собеседник не хочет с вами разговаривать и бросил в вас кучку дерьма».

Хотя бестолковый А-Ци был загнан в тупик, он не сдавался и поклялся, что однажды воплотит в жизнь все планы с первого по двадцатый. И хотя в этом вопросе они не сошлись, они всё ещё оставались добрыми напарниками.

— А-Ци, покажи мою панель характеристик. — За столько дней в этом мире он ещё не проверял свои данные — видимо, было не до того.

По правде говоря, он уже однажды умер. Нет, точнее, умирал много раз.

Как бы это объяснить? Однажды он был связан с системой истязания негодяев и отправлен в разные миры, но задания проваливались, и он умирал снова и снова. Он думал, что уничтожение главной системой — это конец, но конца не было. Он переродился, причем в самый первый мир, в котором был сейчас.

Он открыл панель характеристик:

Носитель: Бай Нин

Обаяние: 99 (оставил один балл, чтобы ты не зазнавался)

Сила: 90

Цель истязания: Сюй Чэнь

Уровень чувств цели: 5

Уровень преданности цели: 5

Уровень доверия цели: 5

Уровень истязания: не разблокирован

Сложность задания: класс В

Уровень носителя: 0

Навыки: Оболение красотой (врожденный), Техника ладони Перенос гор и засыпание морей.

Доступные очки: невозможно подсчитать.

Бай Нин смотрел на панель с бесстрастным лицом:

— Я всё ещё Бай Нин.

После смерти он остался Бай Нином — имя, внешность, всё в точности как в реальности. Он — Бай Нин, но уже не тот, что прежде!

Он не стал долго размышлять и снова посмотрел на панель. Другие показатели были в норме, но в графе доступных очков было что-то странное.

«Невозможно подсчитать»? Что это значит?

3. Тот самый обольстительный глава демонического культа

Он помнил, что в прошлой жизни начальное количество очков было 100, и за каждое выполненное задание давали ещё 100. Эти очки можно было обменять на множество необходимых вещей, без которых завершить миссию было невозможно. Их важность была неоценима. В первом мире он провалил задание, не получил очков, и это привело к тому, что все последующие миссии давались ему с огромным трудом.

Но сейчас — «невозможно подсчитать». Это значит, что их бесконечно много или их невозможно сосчитать?

— Тук-тук-тук.

<http://bllate.org/book/22168/2309436>